УДК 821.161.1
ББК
83.3(2Рос=Рус)6

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

© 2019 г. Н.И. Дужина

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 января 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-252-267

Аннотация: В статье анализируется последовательность связанных с центральной темой времени — строительством социализма — аллегорических образов, объединенных понятием «общепролетарский дом» и образующих одно подвижное целое. Цель статьи — понять эту аллегорическую образность повести как систему и указать на ее возможный литературный источник. Смысл множественности представлений «общепролетарского дома» в том, чтобы показать «здание социализма» с разных сторон и под разными углами зрения: как имеющего конкретную историческую форму (строящаяся башня), а также идеальный аспект (планируемые «монументальный дом» в центре города и «башня в середине мира»); возраст строящей социализм страны (девочка) и прообраз («белые светящиеся здания»). Такое построение многоликого «общепролетарского дома» в точности соответствует образу Церкви в книге П. Флоренского «Столб и Утверждение Истины», в которой Церковь предстает в трех символических образах: в виде Старицы, возраст которой указывает на сотворение Церкви прежде мира; в виде строящейся башни, которая означает исторический аспект Церкви, и в виде уже построенной башни, представляющей Церковь, ставшую единственной реальностью в конце времен. Весь этот комплекс образов имеет целью показать Церковь с разных точек зрения. Материал статьи позволяет сделать вывод о том, что одной из особенностей «Котлована» является его подчеркнутая «литературность», а строительство социализма в повести показано как прямая противоположность Божественному Промыслу о спасении мира.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Котлован», строительство социализма, Павел Флоренский, «Столп и Утверждение истины», Церковь.

Информация об авторе: Наталья Ильинична Дужина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0003-4774-0754

E-mail: duzinati@yandex.ru

Для цитирования: Дужина Н.И. Строительство социализма в повести А. Платонова «Котлован» // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 252–267.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-252-267

THE BUILDING OF SOCIALISM IN PLATONOV'S *THE FOUNDATION PIT*

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019, N. I. Duzhina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: January 15, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Abstract: The article analyzes the sequence of allegorical images in *The Foundation Pit* associated with the central theme of Platonov's time, the construction of socialism. These images are united under the concept of the all-proletarian home and form a vibrant whole. The article is an attempt to understand these allegorical images as a system and to pinpoint their possible literary sources. The purpose of these multiple appearances of the all-proletarian home is to show the "building of socialism" in different aspects and from different angles. For example, as a concrete historical form (the tower being constructed in the center of the town) and in its ideal counterpart (the tower in the middle of the world); as the beginning (Nastya) and the archetype ("the shining white buildings"). These different aspects of the all-proletarian home correspond to the image of the Church in Pavel Florensky's *The Pillar and the Foundation of the Truth*. In this latter work, the Church has three different incarnations: a very old holy woman (Staritza) whose age symbolizes the creation of the Church before the creation of the world; a tower under construction symbolizing the Church in its historical aspect; and a tower already built, symbolizing the Church as the only reality at the end of times. Thus, we see the Church from several perspectives. The article argues that the images of *The Foundation Pit* have their literary analogue in *The Pillar and the Foundation of the Truth*, and that the building of socialism in Platonov's story is shown as the direct opposite of the divine Providence – God's plan for the salvation of the world.

Keywords: Andrey Platonov, *The Foundation Pit*, building of socialism, Church, Pavel Florensky, *The Pillar and The Foundation of The Truth*.

Information about the author: Natalya I. Duzhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0003-4774-0754

E-mail: duzinati@yandex.ru

For citation: Duzhina N.I. The Building of Socialism in Platonov's *The Foundation Pit*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 252–267. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-252-267

Повесть Андрея Платонова «Котлован», одно из самых необычных произведений советской литературы, посвящена главным событиям первой пятилетки (1928/9–1932/3) по строительству социализма — началу индустриализации в городе и самому трагическому периоду коллективизации деревни — и почти документально воспроизводит происходящее в стране с декабря 1929 г. по апрель 1930 г. Повесть абсолютно реалистическая в деталях, которые естественно комментируются по документам времени, однако сюжет ее аллегорический и подчеркнуто книжный, литературный. «Книжность» чувствуется и в вопросе главного героя, Вощева, об истине, с которым он проходит через всю повесть; и в центральном образе «Котлована», «общепролетарском доме», несущем смысловую нагрузку темы «строительство социализма».

Для произведения советской литературы с такой тематикой, поиски истины — поворот неожиданный, но именно они являются целью путешествия Вощева по строящейся социалистической стране и скрепляют сюжет «Котлована»: в начале повести Вощев «почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины...» [9, с. 23], «изнемогал же Вощев скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать» [9, с. 24]; мысль об истине не оставляет его ни в городе — центре индустриализации, ни в деревне, где проходит коллективизация: «мне без истины стыдно жить» [9, с. 42]; «Я хочу истину для производительности труда...» [9, с. 50]; «А истина полагается пролетариату?» [9, с. 71]; «поник своею скупающей по истине головою» [9, с. 110] и т. д.

«Общепролетарский дом» — тоже сюжетообразующий образ: повесть посвящена его строительству. Необычность этого образа состоит в

том, что у «дома» есть человеческая «ипостась», девочка Настя, юность которой символизирует молодость строящейся социализм Страны Советов; кроме того, сам «общепролетарский дом» — образ с подвижными границами, он распадается на несколько строительных объектов — башен, часть которых планируется, а одна строится; вдобавок к этому у него появляется в повести еще и «антипод» — «белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе» [9, с. 59] из так называемого «видения» создателя «дома» Прушевского.

Единство этих метаморфоз «общепролетарского дома», вместе с вопросом героя об истине, не только обеспечивают повести широту и глубину проблематики, но и создают ореол таинственности. Кроме того, такое сложное построение центрального образа наводит на мысль о наличии у него какого-то литературного источника — уж очень по-книжному он сделан. И действительно, у подвижной многоликости «общепролетарского дома» есть литературный аналог, с которым «общий дом» «Котлована» обнаруживает неожиданный — и полный — параллелизм. Это — образ Церкви из книги Павла Флоренского «Столп и Утверждение Истины» (1914). При всей неожиданности этого сопоставления оно не так уж необычно, как может показаться: Андрей Платонов всегда интересовался философскими вопросами, много читал и знал, несмотря на то что не имел систематического гуманитарного образования и редко упоминал имена философов или их книги. Общими у «Котлована» с книгой Флоренского являются и тема истины, и ситуация путешествия героя в ее поисках — полуреального, полувоображаемого в «Котловане», интеллектуального в «Столпе». Между этими произведениями есть и другие переклички, играющие второстепенную роль, однако именно созданный Флоренским образ Церкви не только проливает свет на все модификации «общепролетарского дома» как систему, но может стать ключом к ней. Возможно, он и является литературным прототипом сложного, подвижного, многоликого «общепролетарского дома», а также прообразом того, что самому «общепролетарскому дому» в платоновской повести явно противопоставлено, — «белых спокойных зданий» из видения Прушевского.

Итак, строительство «единственного общепролетарского дома» — стержень сюжета «Котлована», а строящийся дом-башня — главное сооружение того города, в который в поисках работы и истины приходит Воцев.

Строительство новых домов для рабочих, большинство из которых планировались большими по размеру и как дома-коммуны, было реальностью первой пятилетки, когда страна усиленно строилась. Одновременно с повседневностью многочисленныхстроек, строительство домов-гигантов для многих современников Платонова из бытовой ситуации превращается в символ новой счастливой жизни, а образ строящегося дома становится устойчивой метафорой строящегося социализма; эта идея постоянно звучит со страниц прессы: «Мы строим невиданный дом / Под смех и шипенье злое. / И дом наш — / С большим трудом — / Поднимается слой за слоем»¹; «Построим мы социализма здание / Упорной силой, волей труда»².

По признанию исследователей творчества А. Платонова, и в «Котловане» строительство дома есть реализация главной метафоры эпохи — «строительство социализма» [3, с. 146; 4, с. 270 и др.] как счастливого устройства людей на земле. Удивительным образом «домостроительная» направленность этой метафоры обнаруживает сходство с идеей строительства на земле Церкви как «домостроительства благодати Божией», главным образом в посланиях апостола Павла, пишущего о таком новом «жилище», как «здание» Церкви, имеющей «Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2: 20–22); «о домостроительстве благодати Божией» (Еф. 3: 2), которое есть «домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге» (Еф. 3: 9) и т. д.

Но ситуация с «домом» платоновской повести все-таки довольно специфическая, прежде всего из-за его подвижной многоликости и наличия у «дома» дублеров, связанных между собой, как сообщающиеся сосуды, — нескольких «башен» и девочки Насти.

Что касается строящихся «башен», через которые реализуется метафора «строительство социализма», то ситуация с ними в повести такая. Первую «башню» видит Воцев сразу по своем прибытии в «город», и эта «башня» уже частично построена: «Теперь он увидел середину города и строящиеся устройства его. <...> Воцев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни; он видел, что... что-то уже прибыло в постройку для ее завершения» [9, с. 26]. После этого наблюдения героя следует вывод о бесчеловечном ха-

1 Пришелец А. Молодая поросль // Рабочая газета. 1929. 14 августа. С. 3.

2 Немчинский Н. Повесть о Турксибе // 30 дней. 1930. № 5. С. 5.

рактере «строительства» и его негативных последствиях — строго говоря, здесь никак не мотивированный: «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?» [9, с. 26]. Какую-то ясность такому суждению придадут только слова одного из строителей, работающих на постройке другой «башни», но связанной с первой кровными узами: «Мы все свое тело выдавливаем для общего здания...» [9, с. 41]. Функция первой «башни» становится понятной только на фоне этой второй, и к тому же главной «башни» повести, к строителям которой и присоединяется Воцев.

Вторая, главная «башня» «Котлована» пока только планируется, и тоже в середине города. Именно эта еще даже не начатая башня, под которую разрывают котлован, и получает название «общепролетарского дома». Это название впервые появляется в размышлениях создателя «дома» Прушевского и тут же начинает варьироваться: «единственный общепролетарский дом», «общепролетарская жилплощадь», «общий дом пролетариату», «единый новый дом», «монументальный новый дом» и др., что согласуется и с вариативностью смыслового компонента образа. Кроме того, «общепролетарский дом» уже на стадии его планировки Прушевским удваивается — дом в центре города / башня в середине мира: вот Прушевский «выдумал единственный общепролетарский дом, вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом», а через несколько лет «другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара» [9, с. 32]. Этот будущий «общий дом», с учетом множественности его характеристик и наименований, вобрал в себя все планы и надежды, которыми жила строящая социализм страна: это и новый дом, который «должен быть населен людьми» [9, с. 33]; и новый город, который возникнет «вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом» [9, с. 32]; и город — форпост построения социализма, поэтому и деревенские мужики «в пролетариат хотят зачисляться» [9, с. 115]; и строящая социализм страна, которая должна стать раем на земле, земля обетованная всех трудящихся, «общий дом пролетариату» — «эсесерша наша мать» [9, с. 95]; и, конечно, сам несущий все эти блага социализм, который считался высшей экономической формацией, уничтожающей зло и страдание, обещающий водвориться на всей земле, — сначала «в рамках одной страны», а затем и «в мировом масштабе»: в повести многократно подчеркивается благая

цель построения «общепролетарского дома», который должен обеспечить сохранение людей «от невзгоды» [9, с. 31], «счастливое поселение» трудящихся, ограждение детей «от ветра и простуды каменной стеной» [9, с. 58]. Значимо, однако, что к возведению этого «общепролетарского дома» строители так и не приступили; его гипотетическое строительство выливается в бесконечное рытье все углубляющегося котлована: главный образ «Котлована», «общепролетарский дом», — прежде всего идеальное сооружение.

Однако Платонов, конечно, хорошо понимал, что социализм в его стране все-таки строится; и не идеальное, а реальное «здание социализма» в жизни поднималось: ведь строились дома и города, заводы и электростанции, организовывались колхозы, крепла страна под названием СССР. Это историческое «здание социализма» Платонов тоже не оставил без внимания — именно его черты и несет на себе та башня, которую первой видит Вошев по прибытии в новый город и в которой «что-то уже прибыло для ее завершения». Про эту строящуюся «башню» высказано только одно опасение: «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?» Но башни в «Котловане», безусловно, связаны между собой: ведь те же самые люди строят реальное «здание социализма», которые думают, что строят идеальное. Разные башни означают просто разные аспекты «строительства социализма», у которого была как идеальная форма, так и реальная, историческая. Поэтому слова одного из строителей «дома»: «Мы все свое тело выдавливаем для общего здания...», — относятся и к историческому «зданию социализма». Эту странную мысль о том, что сами строители становятся как-бы строительным материалом «дома», его «камнями», Платонов будет повторять и в других произведениях, создавая картину почти телесного перехода людей в возводимые ими сооружения, — например, в более поздней повести «Ювенильное море» (1932): «Вермо понял, насколько мог, Ленина и Сталина: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, <...> который <...> творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела» [8, с. 353]. На эмоциональном уровне образ понятен: так как в нищей стране не было ни средств, ни ресурсов, «строительство» (социализма, страны, городов, промышленности и пр.) осуществлялось только за счет колоссального напряжения сил «строителей». К этой же особенности реального «здания социализма» относится вопрос Насти: «А почему в городе ночью трудят-

ся и не спят?» [9, с. 112]. Трудились же и не спали «в городе» потому, что на всех стройках пятилетки план не выполнялся. И чтобы ликвидировать этот «прорыв», трудились с утра до позднего вечера, часто по ночам и в выходные дни; работали до изнеможения, а изнемогали до смерти; отдавали «общему дому» всю свою энергию, изнуряли и калечили тело. Только так и сооружалось «здание социализма» — из самих строителей, превращающихся в его строительный материал.

Что касается Насти, то она берет на себя функции всех «башен» при следующих обстоятельствах. Строители «общепролетарского дома» не видят плодов своего труда и трудятся только с надеждой, что когда-то «радость сделается мыслью и будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме» [9, с. 29]. Но «дома» нет, и пока его «строителям» нечему радоваться. Поэтому они решают привести на котлован девочку-сиротку «как элемент будущего» [9, с. 54], чтобы смотреть на нее и «от ее мелодичного вида... более согласованно жить» [9, с. 49], что и исполняет землекоп Чиклин. Так на котловане появляется Настя. А. Киселев, автор первой статьи о «Котловане», опубликованной под псевдонимом «А. Александров» в журнале «Грани» еще в 1970 г., высказал предположение, что эта необычная повесть Платонова посвящена судьбе России, прошлое и настоящее которой символизируют девочка Настя и ее мать: умершая мать Насти, «буржуйка» Юлия, — Россию вечную, историческую; сама же Настя олицетворяет новую советскую Россию, ставшую «сиротой» без России исторической [1, с. 140]. Только в контексте российской истории оказывается значимым и имя девочки, спасенной от почти верной смерти исторических катаклизмов: «Анастасия» в переводе с греческого означает «Воскресшая». Основные качества Насти — юность, буржуазное происхождение и сиротство — с разных сторон характеризуют молодую страну Советов, как ее понимал Платонов. Сравнение девочки со строящей социализм юной страной находит подтверждение в тексте повести: Платонов неоднократно ставит Настю в прямую параллель с «девочкой-эсесершей» [9, с. 95, 116]. При таких особенностях Настиного образа понятно, почему, при отсутствии «общепролетарского дома», она стала для «строителей» его наглядной заменой и источником вдохновения в работе: ведь Настя и есть «девочка-эсесерша», ради которой они работают, не жалея себя, строя «общий дом пролетариату», которым должна стать «эсесерша наша мать» [9, с. 95]. Более того, Плато-

нов дает Насте практически те же определения, что и «дому», и связывает с ней те же виды на будущее — она так же является «веществом создания и целевой установкой партии» [9, с. 58]; «будущим радостным предметом» [9, с. 64], ради которого стоит жить; даже «фактическим социализмом» [9, с. 58], — так что Настя могла бы с полным правом сказать: «Дом, который вы предполагаете строимым, — это я».

Так представлена центральная тема времени «строительство социализма» в этом удивительном произведении советской литературы. Переходящие друг в друга образы образует одно подвижное целое: строящийся, но не достроенный дом-башня и только планируемые «монументальный новый дом» в центре города, а также «башня в середине мира»; девочка, олицетворяющая одновременно настоящее и будущее страны, — все это грани одного «общепролетарского дома», объемлющего как идеальную сторону, так и реальность строящегося в стране социализма. Этой аллегорической образности «Котлована» трудно найти другое объяснение, кроме показа «здания социализма» как бы с разных сторон и под разными углами зрения.

Нет сомнения в том, что такое построение образа «общепролетарского дома» необычно. Но оно в точности соответствует образу Церкви в книге П. Флоренского «Столп и Утверждение Истины». Рассуждения о. Павла о Церкви опираются на один важный для него момент — у Церкви, считает о. Павел, есть два аспекта, до-мирный, т. е. небесный, и исторический, т. е. земной: ведь Церковь, с одной стороны, — эта запредельная реальность, созданная Богом раньше мира и предназначенная к тому, чтобы в конце времен стать единственной реальностью на земле [10, с. 335, 336, 339 и др.]; с другой — Церковь — также и «величина, в мире строимая» [10, с. 336] по образцу небесной Церкви, но из самих людей, за Христом последовавших и «уже вошедших своею эмпирическою стороною в Тело Христово» [10, с. 350]. О двух этих аспектах Церкви, небесном и земном, Флоренский рассуждает, опираясь на памятник раннехристианской письменности под названием «Пастырь» римского аскета I — начала II вв. Ерма. По содержанию «Пастырь» относят к апокалиптической литературе; произведение состоит из нескольких разделов; часть их составляют так называемые «Видения», из которых самыми замечательными называют видения Церкви. В этих видениях Церковь предстает перед Ермом в трех символических образах: в виде Женщины, символизирующей небесный аспект Церкви [10, с. 336];

в виде строящейся башни, которая означает исторический аспект Церкви, при этом башня строится из самих верующих, которые становятся ее «каменьями»; и, наконец, в виде уже построенной башни, представляющей Церковь, ставшую единственной реальностью в конце времен. И весь этот комплекс образов, по мысли Флоренского, имеет одну цель — показать Церковь с разных точек зрения.

Вот как Флоренский описывает три символических образа Церкви: «В первом, премирном аспекте Ерм видел ее под образом женщины» [10, с. 336], возраст которой менялся от видения к видению. Так, сначала «Ерму явилась в видении Церковь под образом Старицы» [10, с. 306], старость которой Флоренский, следуя за Ермом, объясняет сотворением Церкви прежде мира. Эта Старица и показывает Ерму другую, историческую Церковь, символически изображенную в виде постройки башни: «Во втором, историческом, аспекте Ерм видел Церковь под образом башни, строимой на водах крещения юношами... Камнями же для стройки Церкви являлись христиане. Входя в состав постройки, эти камни спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченною из одного цельного камня» [10, с. 337].

Церковь в образе Старицы сама объясняет Ерму значение башни: «Башня, которую ты видишь строимую, это — я, Церковь, явленная тебе теперь и прежде» [10, с. 338].

Первое видение Ерма относится к историческим временам: «Башня-Церковь еще не достроена» [10, с. 306]. Но вот «в новом видении Ерму является, как пророческое предвосхищение будущего, Башня-Церковь в законченном виде», ставшая единственной реальностью после исполнения времен.

Случайно или нет, но специфическая образность «Котлована» обнаруживает сходство с тем, как показана Церковь в книге П. Флоренского: у «общепролетарского дома» и Церкви общая форма башни; в обоих произведениях башен несколько, и они передают разные аспекты изображаемой сущности: как реальный исторический, так и идеальный задуманный; у «башен» похожий строительный материал — сами люди; социализм в «Котловане» получает два символических образа, «общепролетарского дома» и девочки, возраст которой символизирует молодость строящей социализм страны, подобно тому как Церковь является Ерму в двух символических

образах, Старицы и башни, при этом возраст Старицы символичен — он указывает на древность Церкви и сотворение ее раньше мира.

Предложенное о. Павлом объяснение раздельности символических образов в «Пастыре» Ерма в полной мере относится и к раздельности символических образов в «Котловане» Платонова: «Раздельность символических образов указывает на различие двух точек зрения» [10, с. 338]. Флоренский подчеркивает, что Церковь в двух своих аспектах, небесном и историческом, как до-мирная реальность и как величина, в мире строимая, Старица и башня — «это одно и то же существо, но только видимое под разными углами зрения» [10, с. 337–338]. Раздельность символических образов «общепролетарского дома» тоже акцентирует различие точек зрения на проблему: идеальное «здание социализма», его реальное «строительство» и строящая социализм молодая страна; при этом девочка и «башня» — это тоже одно нерасторжимое целое; одна реальность, но видимая под разными углами зрения.

Конечно, нельзя утверждать наверняка, что именно книга П. Флоренского «Столп и Утверждение Истины» подсказала Платонову идею представить социализм с разных точек зрения и послужила прообразом аллегорической образности «Котлована», в том числе единства строящейся башни и олицетворяющей его девочки. На иной источник именно этого двойного символа указала О. Меерсон, рассматривающая произведения Платонова с точки зрения наличия в них литургических подтекстов и аллюзий [7, с. 212, 214, 225 и др.]. Меерсон пишет о «литургической мотивировке сюжета» у писателя [7, с. 213] и «конкретном сценарии конкретного чинопоследования» [7, с. 213]. В устном возражении автору этой статьи Ольга Меерсон высказала предположение, что источником сложной символики «общепролетарского дома», в том числе двойного символа «Котлована», включающего человеческую ипостась, послужили православные песнопения, например, отождествление Богородицы с храмом в акафисте: «Хвалим Тя вси, яко одушевленный храм, Богородице». На это можно возразить, что о. Павел в своей книге опирается на те же литургические источники, но только расставленные им в образе Церкви акценты помогают понять всю совокупность идей, связанных со строительством социализма в «Котловане».

В «Котловане» есть еще один образ, по общему признанию, связанный с «общепролетарским домом» как его противоположность, — это «белые спокойные здания», которые предстают перед взором создателя «обще-

пролетарского дома» Прушевского во время прогулки, в ситуации особого времени, или его остановки, — «будто время не продолжалось дальше»:

Прушевский тихо глядел на всю туманную старость природы и видел на конце ее белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. Он не знал имени тому законченному строительству и назначения его, хотя можно было понять, что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости. Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал точную нежность и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов. Он еще не видел такой веры и свободы в сложных камнях и не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины. Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет сооружений и успокоенно светился. Но не все было бело в тех зданиях, — в иных местах они имели синий, желтый и зеленый цвета, что придавало им нарочную красоту детского изображения. «Когда же это выстроено?» — с огорчением сказал Прушевский [9, с. 59].

Это так называемое «видение Прушевского» — одна из загадок «Котлована». Его объясняли устойчивостью утопических идеалов Платонова — очередной город-утопия, утопия за утопией, которая опять переносится в будущее [11, с. 253; 6, с. 294 и др.]. Но были и другие объяснения — так, например, А. Киселев увидел в этом «видении» описание реальной церкви, которую Платонов в период гонений на нее описывает с любовью [5, с. 243].

Всякий, кто хоть раз обращал внимание на храмы в России, согласится с А. Киселевым, что Платонов писал картину «светящихся зданий» с натуры. Действительно, православные храмы — всегда «белый сюжет сооружений», в которых, однако, есть «синий, желтый и зеленый цвета»; их красота напоминает «нарочную красоту детского изображения», а сами они кажутся островами «среди остального новостроящегося мира». Но одно мешает согласиться с точкой зрения исследователя, что Прушевский видит выстроенный нашими предками храм: если бы старый интеллигент Прушевский увидел церковь — культовое здание, он бы ее узнал, ведь в детстве он был там много раз, и до сих пор сестра поздравляет его с Пасхой. Но то, что видит Прушевский, ему незнакомо, и он с удивлением спрашивает: «Когда же это выстроено?»

Есть еще одна оценка «видения» Прушевского, которая отчасти дополняет предыдущую: «То, что видит Прушевский <...>, это Небесный Город», Небесный Иерусалим [2, с. 8]. Аргументы, которые приводит исследовательница в доказательство своей точки зрения: «самосвечение и многоцветие» открывшегося Прушевскому прекрасного Города; его белый наряд невесты, как у спускающегося с небес Иерусалима в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 21: 2); нахождение Города «где-то на конце природы», когда уже и «время не продолжалось дальше».

Попробуем предположить, что Прушевскому, как и Ерму, в видении предстает именно Церковь, вот Платонов и придает ей черты церкви — культового здания. Многие детали «видения Прушевского» находят отзвук в книге «Столп и Утверждение Истины». Так, Прушевский видит «белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе». Свечение, как пишет Флоренский со ссылкой на Откровение Иоанна Богослова, — это особенность Небесного Иерусалима: «Дух Святой живет в этом Городе, светит ему» [10, с. 330]; в пасхальном ирмосе поется: «Светися, светися, Новый Иерусалиме». Прушевский даже издала понимает, «что те дальние здания устроены не только для пользы, но и для радости». О радости о. Павел пишет много. Он говорит о «теснейшей связи между идеей о Богородице и об Иерусалиме Горнем», которая утверждается в церковных песнопениях; о высшем тождестве Богородицы и Церкви; о воплощении в Богородице красоты Мира, которая воспринимается сердцем как радость. Поэтому и зовут Богородицу Радостью и «радости мира Ходатаицей», «Нечаянной Радостью», «Радостью всех радостей» [10, с. 355]. Прушевский удивляется «сомкнутой силе отдаленных монументов», открывшихся его взору, а также «вере и свободе в сложенных камнях». Необычность и особую прочность здания Церкви Флоренский объясняет тем, что камнями для ее постройки служили верующие, которые «спаивались так крепко, что вся башня представлялась как бы высеченной из одного цельного камня». Даже недоуменный вопрос Прушевского: «Когда же это выстроено?» — перекликается с рассуждением о. Павла о двух аспектах Церкви — небесном и историческом; в своем небесном аспекте Церковь создана до мира, а в историческом — это «величина в мире строимая», вплоть до исполнения времен.

Таким образом, «общепролетарский дом» — символ будущего счастливого устройства людей на земле — Андрей Платонов изображает как

прямую противоположность Церкви, как беспомощное подражание Божественному промыслу о спасении, которое приводит к результатам, противоположным ожидаемым: превращению людей в материал для строительства и гибели — ведь коммунистическая идеология задумывалась как новая религия, чье место она и заняла: дьявол «есть лишь жалкая “обезьяна Бога”» [10, с. 168].

У «Котлована» и «Столпа» противоположные финалы. Повесть Андрея Платонова заканчивается смертью олицетворяющей «общепролетарский дом» Насти и горьким признанием Вощева, что истины в новом мире нет: «Взял его в свидетели, что истины нет» [9, с. 109]. Книга Павла Флоренского заканчивается твердой уверенностью, что «Столп Истины — это Церковь» [10, с. 489].

Список литературы

- 1 Александров А. О повести «Котлован» // Грани. 1970. № 77. С. 134–143.
- 2 Васильева М. Котлован и Небесный город: Некоторые аспекты религиозной тематики в творчестве А. Платонова на рубеже 1920–1930-х гг. М., 1996. Деп. в ИНИОН РАН, № 52254.
- 3 Гюнтер Г. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1995. С. 145–151.
- 4 Золотоносов М.А. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 246–282.
- 5 Киселев А. Одухотворение мира: Н. Федоров и А. Платонов // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994. С. 237–248.
- 6 Маркштейн Э. Дом и котлован, или мнимая реализация утопии // Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 284–302.
- 7 Меерсон О. Апокалипсис в быту: Поэтика неостранения Андрея Платонова. М.: Гранат, 2016. 256 с.
- 8 Платонов А. Взыскание погибших. М.: ШКОЛА-ПРЕСС, 1995. 670 с.
- 9 Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. 379 с.
- 10 Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 1 (I). 490 с.
- 11 Шенпард Дж. Любовь к дальнему и любовь к ближнему в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994. С. 249–254.

References

- 1 Aleksandrov A. O povesti "Kotlovan" [About the novella *The Foundation Pit*]. *Grani*, Frankfurt on the Main, 1970, no 77, pp. 134–143. (In Russ.)
- 2 Vasil'eva M. *Kotlovan i Nebesnyi gorod: Nekotorye aspekty religioznoi tematiki v tvorchestve A. Platonova na rubezhe 1920–1930-kh gg.* [The Foundation Pit and Heavenly Jerusalem: some aspects of religious themes in Platonov's work at the turn of the 1920–1930s]. Dep. v INION RAN, № 52254. Moscow, 1996. 68 p. (In Russ.)
- 3 Giunter G. Kotlovan i Vavilonskaia bashnia [The Foundation Pit and The Tower of Babel]. "Strana filosofov" Andreia Platonova: Problemy tvorchestva [Andrey Platonov's "country of philosophers"]. Moscow, IWL RAS Publ., 1995. pp. 145–151. (In Russ.)
- 4 Zolotonosov M. A. "Lozhnoe solntse": "Chevengur" i "Kotlovan" v kontekste sovetskoi kul'tury 1920-kh godov [The Wrong Sun: *Chevengur* and *The Foundation Pit* in the

- context of the early Soviet culture]. *Andrei Platonov: Mir tvorchestva* [Andrey Platonov's world]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1994. pp. 246–282. (In Russ.)
- 5 Kiselev A. Odukhotvorenie mira: N. Fedorov i A. Platonov [Spiritualization of the world: Fyodorov and Platonov]. “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [Andrey Platonov's “country of philosophers”]. Moscow, IWL RAS Publ., 1994. pp. 237–248. (In Russ.)
- 6 Markshtein E. Dom i kotlovan, ili mnimaia realizatsiia utopii [A House and a Foundation Pit, or The imaginary realization of the utopia]. *Andrei Platonov: Mir tvorchestva* [Andrey Platonov's World]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1994. pp. 284–302. (In Russ.)
- 7 Meerson O. *Apokalipsis v bytu: Poetika neostraneniia Andreia Platonova* [Apocalypse of the everyday life: the poetics of refamiliarization in Andrey Platonov]. Moscow, Granat Publ., 2016. 256 p. (In Russ.)
- 8 Platonov A. *Vzyskanie pogibshikh* [Recovery of the lost]. Moscow, ShKOLA-PRESS Publ., 1995. 670 p. (In Russ.)
- 9 Platonov A. *Kotlovan: Tekst, materialy tvorcheskoi istorii* [The Foundation Pit: the text and the documents of its history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 379 p. (In Russ.)
- 10 Florenskii P. A. *Stolp i Utverzhdenie Istiny* [The Pillar and the foundation of the truth]. T. 1(I). Moscow, Izdatel'stvo “Pravda” Publ., 1990. 490 p. (In Russ.)
- 11 Sheppard Dzh. *Liubov' k dal'nemu i liubov' k blizhnemu v tvorchestve A. Platonova* [Love for the neighbor and love for the stranger in Andrey Platonov]. “Strana filosofov” *Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [Andrey Platonov's “country of philosophers”]. Moscow, IWL RAS Publ., 1994. pp. 249–254. (In Russ.)